

**XIII ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«КАГАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»:
УСПЕХИ И СЛОЖНОСТИ НОВОГО ФОРМАТА**

ДАРИНА ПОЛИКАРПОВА, АЛЕКСЕЙ ЦАРЕВ

Дарина Александровна Поликарпова — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: darinet2711@mail.ru

Алексей Олегович Царев — Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: ilovenewwave@mail.ru

Статья представляет собой подробный обзор конференции «Кагановские чтения», прошедшей в Институте философии Санкт-Петербургского государственного университета 17 мая 2019 года. Конференция, посвященная памяти ведущего ленинградского эстетика М. С. Кагана, традиционно обращается к ключевым проблемам эстетики, обозначенным в его философском наследии и резонирующих с актуальным состоянием эстетической теории и философии искусства. Тема конференции этого года, в согласии с логикой исследований М. С. Кагана — «Коммуникативные стратегии в современной художественной культуре». В обзоре последовательно излагаются основные проблемные области, затронутые докладчиками: коммуникация в современной эстетической теории, роль куратора в современном искусстве и городское пространство как пространство коммуникации в художественных практиках. Особенностью конференции этого года стало обновление формата: вместо традиционных секционных докладов выступающие участвовали в трех круглых столах и старались «общаться» друг с другом на предложенные темы. В статье анализируются опыт применения этого нововведения с указанием на успехи и упущения.

Ключевые слова: Эстетика, М. С. Каган, коммуникация, художественные практики, современное искусство, куратор, город

XIII RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE «KAGAN`S STUDIES»: SUCCESS AND DIFFICULTIES OF THE NEW FORMAT

Darina Polikarpova

Saint-Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

E-mail: darinet2711@mail.ru.

Aleksey Tsarev

Saint-Petersburg State University

St. Petersburg, Russia

E-mail: ilovenewwave@mail.ru

The article offers a detailed review on the conference “Kagan`s Studies”, which took place in the Institute of Philosophy at St. Petersburg State University on May 17, 2019. The conference is always held in memoriam to the leader of Soviet aesthetics in Leningrad — M. S. Kagan. The main theme always considers both of the Kagan`s heritage and the actual theoretical problems in aesthetics and philosophy of art. This year the theme of the conference, according to the logic of M. S. Kagan`s research, was “Communicative strategies in modern artistic culture”. The article threatens main questions, which were discussed during the conference: communication in contemporary aesthetics, the role of curator in contemporary art and urban space as a communicative space for different art practices. The peculiarity of this conference was the update of the format: instead of the traditional sectional reports, the speakers participated in three round tables and tried to “communicate” with each other on the proposed topics. The article analyzes advantages and disadvantages of this new experience.

Key words: Aesthetics, M. S. Kagan, communication, art practices, contemporary art, curator, city

Введение

17 мая в Институте философии СПбГУ прошла XIII Всероссийская научная конференция «Кагановские чтения», организованная силами доктора философских наук Елены Николаевны Устюговой и ее коллег с кафедры культурологии, философии культуры и эстетики. У «Кагановских чтений» большая история: первая конференция состоялась в 2006 году, и с тех пор почти ежегодно эстетики Санкт-Петербурга и других городов

собираются вместе в память о Моисее Самойловиче Кагане — основателе ленинградской эстетической школы, из которой вышло несколько поколений ученых, теперь работающих во многих российских и зарубежных исследовательских центрах. Тема конференции, по традиции, соответствует тем проблемам, рассмотрению которых была посвящена исследовательская деятельность Кагана. Название Чтений этого года, «Коммуникативные стратегии в современной художественной культуре», явилось данью уважения монографии Моисея Самойловича «Мир общения», изданной в 1988 году. Основные тезисы этой монографии раскрыла председатель оргкомитета Е. Н. Устюгова в своем вступительном слове на церемонии открытия. В работе «Мир общения» Каган предлагал отличать друг от друга *общение* и *коммуникацию*, где первое понятие, в духе экзистенциальной философии Карла Ясперса и Мартина Бубера, представляет собой не просто обмен информацией, а глубину, способность к пониманию и диалогу, признанию ценностей и взглядов другого. И в этом контексте искусство оказывается важной формой выражения общения, по мысли Кагана, составляющей открытое пространство диалога и творчества.

Участникам Чтений было предложено сформулировать собственные вопросы и поразмышлять о том, каким образом поставленная еще в XX веке проблема, может актуализироваться применительно к современному состоянию художественной среды, в свете актуальных философских дискуссий. Этот призыв к активному использованию новых форм взаимодействия был внедрен в структуру Кагановских чтений уже на уровне организации. В этом году конференция проходила в обновленном формате: вместо традиционного выступления по секциям, докладчикам было предложено принять участие в круглых столах, проблематика каждого из которых была определена заранее. Организаторы сосредоточили свое внимание на поиске точек соприкосновения и зон пересечения мира искусства и мира общения в современной ситуации и исходя из этого сформулировали три магистральные темы: «Проблема художественной коммуникации в современной эстетической теории» (модераторы А. В. Смирнов

и Л. Б. Капустина), «Арт-кураторство как коммуникативная стратегия» (модераторы А. Е. Радеев и Д. А. Поликарпова), «Художественная коммуникация в городской среде» (модераторы Л. Е. Артамошкина и Л. Ю. Яковлева). Тема первого круглого стола инициировала взгляд на соотношение искусства и общения через оптику эстетической теории с целью обозначить основные концептуальные направления, которые предполагалось развить в двух последующих круглых столах, сосредоточившихся на более частной проблематике и практических аспектах современной художественной среды. Так, докладчики второго круглого стола обратились к проблеме кураторства, для которой в эстетике еще не сложилось устойчивых теоретических нарративов, несмотря на развитость этой практики в современном мире искусства. В рамках третьего круглого стола обсуждались проблемы искусства в контексте городских пространств, где художественные практики сталкиваются друг с другом, входя в живую коммуникацию без опосредующей функции музеев и иных арт-пространств. Новый формат для данных дискуссий имел принципиальное значение, призывая отказаться от традиционных развернутых выступлений с краткими обсуждениями, как от форм, тяготеющих к герметичности мысли, в пользу обширной дискуссии, которая объединила бы всех участников в общем стремлении обсуждать центральную проблему. Таким образом предполагалось перейти от классической научной коммуникации к тому, что Каган называл общением. Такой подход дает основания на этот раз рассуждать об успешности проведенных круглых столов не только исходя из содержания докладов, но и с точки зрения продуктивности последующей дискуссии.

Круглый стол
«Проблема художественной коммуникации
в современной эстетической теории»

Первый круглый стол «Проблема художественной коммуникации в современной эстетической теории» логично предварял остальные, поскольку был посвящен наиболее общей теме и призван работать с осмыслением вопросов коммуникации

в современной эстетической теории, не совершая выход в актуальные художественные пространства-действия. Возможно, именно эта общность проблемы и традиционность ее для эстетики стали причиной того, что круглый стол, посвященный проблемам коммуникации, не смог полностью преодолеть барьеров в формировании пространства свободной дискуссии. Тому, что первый круглый стол остался в рамках классического академизма, способствовало также многообразие и несводимость друг к другу выработанных в эстетике концепций, которых придерживались докладчики, когда необходимость их освещения требовала от выступающих научной строгости и четкости представляемой позиции. Несомненная яркость и актуальность поставленных на этом круглом столе вопросов, парадоксальным образом затмила последующую дискуссию, и отдельные выступления оказались более продуктивными, чем диалог, который они были призваны спровоцировать. Тем не менее, это нельзя в полной мере отнести к недостаткам этого круглого стола, так как в докладах были затронуты и интересно раскрыты существенные для эстетики проблемы, без понимания которых невозможно двигаться дальше в практическую сферу искусства.

В качестве пленарных докладчиков были приглашены А. А. Грякалов и Н. Н. Суворов. В первом пленарном выступлении эстетика была противопоставлена коммуникации: А. А. Грякалов отметил, что эстетическую теорию интересует прежде всего то, о чем невозможно вести содержательный разговор, поэтому в функциональном смысле эстетика выпадает из коммуникации. Эта проблема решалась в разное время по-разному, в частности, докладчик вспомнил о различии языка коммуникативного и языка поэтического, сделанном Романом Якобсоном. По мнению А. А. Грякалова, коренным понятием для установления согласия между эстетикой и коммуникацией должен стать концепт свидетеля («новая фигура субъекта на границе языка»), который выступает и как коммуникативный посредник, и как транслятор чувственного опыта.

Второй пленарный доклад был посвящен вопросу эстетической новизны. Как указал Н. Н. Суворов, новизна — это не столько цель эстетической деятельности, сколько

критерий, который позволяет состояться искусству — его распознаению и атрибуции. При этом нужно отметить, что коммуникативный аспект проблемы был освещен недостаточно четко. В докладе затрагивался вопрос, который далее стал центром обсуждения второго круглого стола – а именно, роль куратора в художественном процессе. Докладчик обозначил куратора как «проводника новизны». Тем не менее, значение этой фигуры осталось не проясненным. Что означает эстетическая новизна? Является ли в самом деле новизна понятием дискуссионным, определяется ли ее конкретный смысл в диалоге, или же она задается художниками и не подлежит уточнению? Эти вопросы возникли, но так и не получили ответа ни в докладе, ни в последующей дискуссии.

В целом следует сказать, что пленарные доклады стали самостоятельными высказываниями о разных аспектах эстетической теории, не вступившими в диалог между собой. Отчасти этому способствовала слишком широкая проблематика секции и вызванное этим отсутствие неизбежного столкновения, которое бы инициировало необходимость в горячей дискуссии и поиске момента согласия в противоречивых концепциях. Позиции докладчиков так и не столкнулись, позволяя каждому из них остаться в рамках собственной парадигмы мысли, а остальных участников присоединиться со своим высказыванием к более близкой позиции, что не дало достаточной энергии для продуктивной проблемной дискуссии. Таким образом, участники первого круглого стола поделились на выступающих, рассматривающих отдельные, актуальные и захватывающие сюжеты, и слушателей, которые следили за многообразием поднимаемых вопросов без стремления подвести их под единую центральную проблематику или выработать общий взгляд на широкий круг представленных тем и подходов.

Так, Л. Б. Капустина говорила об отказе от классических художественных форм в пользу искусства жизни; А. Ю. Ротман — о феноменологическом подходе в работах А. Т. Тыменецки; Г. И. Шлычкова — об эстетическом восприятии как ключевом концепте проблем эстетического образования; А. Н. Балаш — о трансформации современных художественных выставок;

И. А. Аленьевский — о размышлениях о человеке и художнике в фильмах Ларса фон Триера; Е. А. Трофимова — о концепте «старины» и философии русского космизма; Б. А. Михалевич — о сложном переплетении отношений, существующих между искусством, культурой и цивилизацией. Каждый из этих сюжетов, безусловно, является заслуживающим внимания сам по себе, однако индивидуальная яркость при широком «разбросе» проблем внутри тематического пространства круглого стола привела к отсутствию провоцирующего последующий диалог острого столкновения мнений.

Соответственно, если говорить о заявленном организаторами конференции намерении изменить формат мероприятия, то в данном случае осуществить этот замысел удалось лишь отчасти. Можно сказать, что через обмен взаимно интересной информацией не проступил диалог, не возникло порыва к совместному поиску новых идей и форм здесь и сейчас, что однако ни в коей мере не умаляет значимости итогов круглого стола для Чтений этого года. Однако так как авторы обзора рассуждают о новом формате конференции с позиции возможности диалога, кажется важным отметить, что в пленарном докладе А. А. Грякалова, был тезис, который мог бы спровоцировать проблемную дискуссию – это тезис о «некоммуникативной природе эстетического», вступающий в резонанс с заявленной проблематикой секции, содержащий импульс к полемике с точки зрения эстетики и философии искусства. Тем не менее, с точки зрения авторов обзора, в этом аспекте потенциал доклада остался нереализованным.

Круглый стол

«Арт-кураторство как коммуникативная стратегия»

Второй круглый стол «Арт-кураторство как коммуникативная стратегия», модераторами которого выступили А. Е. Радеев и Д. А. Поликарпова, с самого начала построил свою работу так, чтобы возможности нового формата оказались реализованы максимально полно. Участникам было предложено дискутировать не по поводу отдельных докладов, но по проблемам, затронутым внутри блоков выступлений, которых, в соответствии с присланными тезисами. Таких блоков

наметилось четыре: пленарная часть о взгляде на кураторство в целом, о масштабе кураторской деятельности («куратор всего» и «куратор искусства»), о новых стратегиях кураторства в интернет-пространстве и актуальной выставочной деятельности, о неразрешимых сложностях, с которыми сталкивается теория, определяя куратора, и сам куратор в работе с конкретными проектами. Перед началом круглого стола модераторы призвали участников не придерживаться рамок собственных выступлений, а общаться друг с другом и жертвовать эгоистическим желанием разговаривать о своем в пользу ритма общей дискуссии.

М. В. Бирюкова обрисовала в современном искусстве и музейной деятельности роль куратора, на которого в определенный момент перешло бремя авторства и потребовало выработать профессиональные стратегии для его реализации. Бирюкова выделяет два существующих движения: объяснительное и «шаманистское». В первом случае для куратора важным оказывается процесс интерпретации — плетение связей-отношений между смыслами различных произведений искусства, выставленных в одном пространстве. Фигура куратора здесь появляется не случайно. Бирюкова связывает потребность в ней с изменениями, происходившими в самом искусстве на протяжении XX века и отчасти выразившимися в трансформации понятия формы, когда-то казавшегося нерушимым. Концептуальное искусство, для которого на первый план выдвинулась идея, привело к тому, что «формой стали отношения», а куратор стал в них рулевым. Но и здесь все оказалось куда сложнее. Опираясь на практики Й. Бойса, Бирюкова раскрыла проблемы, вызванные таким объяснительным подходом, который на самом деле все чаще приводил к неудачам. В качестве альтернативы объяснительной стратегии была выдвинута — «шаманистская», направленная на то, чтобы как можно сильнее вовлечь чувствующего посетителя, погрузить его в искусство и архитектуру выставки.

Оппонентом Бирюковой стал А. Е. Радеев, адресовавший своей коллеге ряд вопросов, которые также затем подробно обсуждались в ходе круглого стола. А. Е. Радеев поделился мнением, что в отношении осмысления положения курато-

ра господствуют два взгляда: романтический и апокалиптический. Первый преисполнен вдохновения от столкновения с институтом кураторства, приписывая ему возможность быть новым проводником зрителя в мир современного искусства. Второй, напротив, с подозрением относится к тому, что между человеком и современным искусством наметился разрыв в понимании, который тщетно пытается заполнить невалифицированная фигура куратора с крайне непонятными функциями. Также А. Е. Радеев усомнился в некоторых понятиях, с помощью которых М. В. Бирюкова охарактеризовала тенденции в современном искусстве: бесформенное («нет ничего бесформенного»), вовлеченное («вовлеченность — это естественное состояние, нет и не было никакой дистанции»). Радеев призвал всех участников к «спокойному» разговору о кураторстве, чтобы вместе обсудить это явление без охватывающих оценочных характеристик.

Таковыми были основные тезисы пленарной полемики, после которой развилась активная дискуссия, заострившая несколько тем. Во-первых, оказалось, что среди участников нет единодушия в том, кого следует считать куратором, и не делит ли он периодически свои функции с художником, зрителем и арт-критиком. Во-вторых, апокалиптический взгляд, обозначенный Радеевым, все же заявил о себе: многим институт кураторства представлялся подавляющим и диктаторским, будто лишаящим зрителя самостоятельности в общении с искусством. К тому же, многие поделились мнениями о том, что, несмотря на казалось бы, профессиональный кураторский труд, очень малое количество арт-проектов оказываются резонансными. В-третьих, фигура куратора сопрягалась с проблемой арт-бизнеса и маркетинга, что далеко не для всех участников было положительным контекстом.

Следующими в блоке выступали А. В. Венкова и А. О. Сорокина, чьи выступления удачно срезонировали друг с другом в вопросах масштаба кураторской деятельности в объектной области. Полемический тезис А. В. Венковой состоял в том, что кураторскую деятельность правомерно выводить далеко за пределы искусства, и по сути куратор является «куратором всего», так как работает со связыванием смыслов во всей

широте их публичного производства. А. О. Сорокина, напротив, говорила о кураторстве с точки зрения возможности валоризировать искусство, присваивая объектам новые ценности. В качестве примера был приведен проект режиссера Уэса Андерсона, который выступил в непривычной для себя роли куратора, разместив в одном пространстве вещи, связанные друг с другом не смыслами, а эстетическими параметрами (цветом, формой). В последующем обсуждении были подняты новые вопросы. Прежде всего, не является ли деятельность куратора в расширительной трактовке лишь деятельностью менеджера? Каким образом может быть оценен профессионализм куратора, и является ли это, в строгом смысле слова, профессией, если даже никогда не занимавшийся этой деятельностью человек может создать и реализовать собственный проект? Что же такое куратор: фигура в определенном институциональном контексте или набор практик, его формирующих? Отчасти на эти вопросы, поставленные в дискуссии, ответил доклад В. В. Савчука, который постарался резко переориентировать разговор от вопросов о дефинициях (кто такой куратор?) к прагматическим (какую цель преследует кураторская деятельность?). С его точки зрения, основное назначение куратора — создавать резонанс, выводить произведения искусства из их институционального контекста в область публичного обсуждения. Куратор, в этом смысле, является проводником актуальности. Часто это бывает сопряжено с интуицией, а не знанием, так что очень яркий кураторский проект вполне может быть выполнен непрофессионалом.

Разговоры о контексте оказались особенно актуальны для следующего блока вопросов, где освещались новые кураторские практики, вышедшие далеко за пределы музеев и перенесшиеся в информационное пространство. На эту тему высказались К. А. Очеретяный и В. М. Гомонова. Первый выступающий поставил проблему курирования новостей, для которых, в условиях больших объемов информации и широты ее распространения, также становится необходим куратор. Устанавливая связь между «фактом» и «фейком» К. А. Очеретяный заметил, что в современных условиях для обращения внимания на факт он должен быть подан в форме в фейка, чем

и занимается интернет-куратор. Более того, в социальных сетях своеобразным куратором собственного образа, по сути, становится каждый. В. М. Гомонова на примере нескольких интернет-пабликов продемонстрировала, как осуществляется курирование (отбор и размещение) арт-мемов в интернете, сопоставив модерацию подобных сообществ с кураторской деятельностью. После выступлений были заданы новые вопросы. Как было отмечено, цифровое пространство производит интересный парадокс: если человек в нем размывается, а кураторская деятельность набирает силу, то можно ли назвать «куратором» безличный алгоритм, который, например, отбирает новости для публикации? Отдельно стоит упомянуть и доклад Н. С. Буглака, также прозвучавший в этом блоке, хотя по проблематике более близкий предыдущему. Предметом выступления было предложение наиболее успешного для куратора способа взаимодействия с посетителем: поскольку объяснительные схемы не срабатывают (можно предложить одну интерпретацию, но она будет ничуть не лучше других), куратору следует позаботиться о пространстве, его чувственных (запахах, звуках, цветах, температуре) и аффективных (атмосфера, настроение) качествах. Логика куратора — не объяснительная, а синтаксическая: он не разъясняет смыслы, а выстраивает пространство таким образом, чтобы они играли друг с другом. В ходе свободной дискуссии Н. С. Буглак также справедливо отметил, что многие «трудные вопросы кураторства» возникают у теоретиков оттого, что они крайне мало знакомы с практикой.

Наконец, последний блок обсуждения добавил к обозначившемуся проблемному полю ряд непростых вопросов. А. А. Кириллов рассказал о трудностях в определении кураторской роли в современной теории. В основе этого усложнения лежит тотальная неудовлетворенность объектом, который вечно оказывается будто бы видимым, но на самом деле скрывающим свою собственную событийность в области невидимого события. Именно этими событиями и призван управлять современный куратор. Д. А. Поликарпова в своем финальном выступлении, по сути, проиллюстрировала ситуацию такого невидимого события, обратившись

к проекту «Дау» Ильи Хржановского, вызвавшего настоящий резонанс, выйдя далеко за границы собственного существования в качестве фильма. Произошло это, однако, не благодаря, а вопреки кураторской деятельности: то, что оказалось представлено зрителям по итогам 11-летней работы съемочной группы и 700 часов отснятого материала, оказалось неминуемо разочаровывающим, лишь частичным по отношению к тому резонансному событию, которым стали грандиозные съемки, никогда и никем не увиденные и не представленные. Именно эта неразрушимая несхваченность и сделала «Дау» резонансным и будоражающим событием.

Нужно сказать, что участники круглого стола так и не пришли к единому мнению ни по одному из поставленных вопросов — впрочем, едва ли кто-то на это надеялся. Однако все были едины в том, что кураторство — тема, вполне справедливо претендующая на то, чтобы быть предметом отдельного научного события. Также все участники отметили, что в этом случае заявленный формат оказался выдержанным, и, хотя не привел к общим решениям, но способствовал созданию продуктивной интеллектуальной атмосферы.

Круглый стол «Художественная коммуникация в городской среде»

Круглый стол «Художественная коммуникация в городской среде» предварил напутствие модератора секции Л. Е. Артамошкиной, которая также призвала участников воспринимать это мероприятие в качестве свободной беседы, а не формальной процедуры поочередного зачитывания докладов. Затем на круглом столе состоялись пленарные выступления, призванные задать основные темы дальнейшего обсуждения, а также заострить ряд проблем, вокруг которых могла бы выстроиться дискуссия.

В первом докладе была проведена критика концепции реляционной эстетики Н. Буррио. Как отметил первый пленарный докладчик А. Ю. Тылик, несмотря на то, что эта концепция подчеркивает отказ современных художников от экспонирования в пользу производства отношений, сам Буррио занимает консервативную позицию, полагая лишь музей пространством,

в котором такая художественная коммуникация вообще возможна. Реляционная эстетика номинально уравнивает разные публичные пространства, однако на деле, галереи современного искусства, будучи общественными местами, все же остаются эзотерической средой, доступной немногим посвященным. Докладчик предложил «выйти в социальное», обратиться к художественным практикам, существующим вне музейных стен, которые действительно ориентированы на широкое взаимодействие. Реляционность уличного искусства — это не новая форма экспонирования, а попытка художников создать среду непосредственной коммуникации. Этот тезис А. Ю. Тылик развил, имея в виду теорию производственного искусства Б. И. Арватова, в которой рассматривается освободительный потенциал художественных практик, нацеленных на восполнение социально-значимой нехватки. Докладчик указал на то, что современный цифровой капитализм приводит к превращению живого общения в роскошь. В этом отношении, реляционность музейного искусства закрепляет элитарный статус непосредственной коммуникации, в то время как уличные художественные практики, напротив, противодействуют этому процессу. В выступлении А. Ю. Тылика была обозначена проблема дефицита коммуникации, с одной стороны, а с другой, — ее инфляции: живое общение становится привилегией, а для широких масс замещается своим суррогатом — вездесущей, но малозначимой опосредованной коммуникацией.

Эта двойственность была отмечена во втором пленарном докладе, посвященном городским фестивалям. М. Н. Могилевич указала на то, что многочисленные праздники, проводимые в форме фестивалей, сообщают нам о имеющейся потребности горожан в установлении собственной идентичности. Однако, если традиционные карнавалы проводились, как правило, пару раз в год и служили для циклического переутверждения стабильной системы норм и ценностей городских сообществ, то современные фестивали, которые проходят ежедневно, свидетельствуют о постоянном, но не всегда удовлетворяемом, поиске своего места городскими жителями. Эта проблема, по мнению М. Н. Могилевич, неоднозначно соотносится с самими фестивалями — они разнообразны и будто

бы дают возможность почти каждому ответить на вопрос, что значит быть горожанином, а также обеспечивают постоянство личной и общественной памяти о городе. Вместе с тем, такие фестивали можно и нужно подвергать критическому анализу, поскольку очевидно, что далеко не все из них провозглашают свободу от утилитарности, которая, по Бахтину, свойственна карнавалу, но не буржуазным праздникам, более того, такие фестивали могут служить инструментом идеологического контроля.

Пленарные выступления А. Ю. Тылика и М. Н. Могилевич обозначили основные линии развернувшегося далее обсуждения. В частности, встал вопрос о коммуникации — наблюдаем ли мы ее нехватку, либо, напротив, инфляцию и переизбыток? Были обозначены проблемы соотношения общественного и художественного: существует ли социальная ответственность художников, должны ли они сделать выбор между искусством в привычном институциональном смысле и, как выразилась Л. Е. Артамошкина, социальным дизайном? Также можно выделить смысловую линию, связанную с вопросами культурной памяти — того, как городские арт-практики способствуют и препятствуют коммуникации о консенсусных или конфликтных событиях прошлого.

Вопрос ответственности был развит А. В. Бабаевой, по ее словам, эстетике существования препятствуют инстанции власти, которые, в том числе руками художников, создают видимость разнообразия способов жить в городской среде. «Забота о себе» все чаще понимается как «забота о нас», а постулируемое разнообразие оборачивается эстетической всеядностью, которая становится новой нормой жизни. Практика эстетического существования, таким образом, не может основываться на многочисленных готовых образцах, а должна основываться на личной ответственности.

В сообщении Л. Ю. Яковлевой было предложено отказаться от выдвинутого А. Ю. Тыликом противопоставления непосредственной (оффлайн) и опосредованной (онлайн) коммуникации, которое актуально для характеристики сферы услуг и цифровой экономики, но не работает в отношении повседневной коммуникации в медиагородском пространстве.

В связи с этим, докладчица указала на то, что эффект отчуждения от коммуникации вызван не самими технологиями, а их нормативным использованием. Именно «неправильное» обращение с медиа, которым заняты современные художники, способно указать путь к преодолению коммуникативных барьеров. Неразличимость на бытовом уровне оффлайновой и онлайн-коммуникации приводит к переосмыслению городского пространства.

Современные города — пространства, которые характеризуются не своими урбанистическими символами — вокзалами, музеями и другими признаками концентрированной цивилизованности, — но коммуникативными средами. Если художники в поисках таких сред выходят на улицу, то, маркируемая как «уличная», культура хип-хопа покидает улицы и выходит в недифференцированную область «городского». Наблюдениями об этом процессе поделился А. О. Царев, который отметил, что хип-хоп лишился экзотического статуса и встроился в основание российской поп-культуры. По его мнению, хип-хоп, который всегда развивался сообразно городской среде, адаптировался к ее изменениям ценой потери своей жанровой идентичности. Хип-хоп оказывается синонимичным городу явлением, акцентированном не на своем формальном или смысловом своеобразии, а на тех ощущениях, которые рождает городская жизнь, — городском «вайбе». Город перестает быть конкретным местом проживания с четким районным делением, топонимикой и другими локальными признаками: хип-хоп утверждает естественность городского, мифологизирует его в качестве новой природы.

О противоположной тенденции рассказал А. В. Николаев, задавшись вопросом о том, как возможно в современных условиях искусство локальное, привязанное к определенному городу или даже району. Докладчик констатировал провинциальный статус российского современного искусства, объяснив это тем, что само понимание периферийности той или иной художественной практики формируется в рамках европоцентричной оптики: актуальность российского (да и не только) художника определяется его признанием на Западе. Вместе с тем, сайт-специфичное искусство, отвечающее локальным

нуждам и запросам, должно существовать, причем не в пику западным экспертным оценкам, а для создания коммуникативных сред. По мнению А. В. Николаева, только такое искусство и можно считать реляционным.

Вопросы локальной памяти были подняты в докладе Анны И. Резвухиной, которая предложила рассматривать руины как герменевтическую проблему, а их (ре)интерпретацию как коммуникацию, в которой участвуют архитекторы, историки, жители города и муниципальные власти. Руины принципиально фрагментарны, поэтому они подразумевают постоянный процесс достраивания образа целого, который всегда осуществляется по-разному. Неактуальные руины подлежат сносу или обречены на ветшание, актуальные же — запускают «игру руин» — процесс интерпретации, который может закончиться полным изменением статуса руин либо же, напротив, консервацией — признанием ценности руин, как таковых. Эти процессы часто сопровождаются борьбой памяти, вместе с тем, попытки замаскировать существующие конфликты часто приводят к обратному результату. В ходе дискуссии был упомянут пример Храма Христа Спасителя в Москве, на месте которого дважды были руины, а сегодня этот храм является памятником существующих противоречий культурной памяти. В этом же контексте участники круглого стола вспомнили о современных протестах против строительства храма святой Екатерины на месте городского сквера в Екатеринбургe.

Отдельно столкновению разных политик памяти было посвящено выступление Алены И. Резвухиной. Докладчица проанализировала Национальный памятник на Виткове (Прага), который был заложен сразу после Первой мировой войны и постоянно трансформировался на протяжении всей последующей истории Чехии. Череда этих изменений, которая сопровождалась сносом, перестройкой и даже забвением мемориального комплекса, привела к образованию памятника, соединяющего в себе разнородные влияния отдельных политик памяти. В докладе было отмечено, что следы борьбы за память, свидетельства конфликта сегодня принимаются жителями Праги, не вызывают ненависти, а побуждают к диалогу.

Тем не менее, памятники прошлого не всегда удерживают в себе все то множество смыслов, которое вбирает их история. В докладе Р. Р. Щекотовой была поставлена проблема утраты онтологического значения храмовой архитектуры, которая в наши дни зачастую рассматривается сугубо в эстетическом ключе, что не позволяет прочувствовать сакральность религиозной архитектуры. Вместе с тем, вопрос о соотношении онтоса и эстетизиса храмов остался непроясненным. Безусловно функциональное и светское использование (то, что докладчица указала в качестве эстетического измерения) храмового пространства влияет на его восприятие, однако не очевидно, отчуждаемы ли сегодня онтологические смыслы выраженные в самом структурном устройстве храмовой архитектуры, и если да, то с чем это связано.

Последнее выступление было посвящено флористике, рассмотренной как коммуникативная практика. Автор доклада Е. В. Баркова рассуждала не только о теоретическом аспекте вопроса, но, как практик, рассказала о наличии прикладной семиотики, которой руководствуются современные флористы. Флористика занята не только украшением городской среды, но обеспечивает порядок коммуникации — при этом важно понимание существующей символической системы: разные цветы и растения, а также их сочетания передают определенную информацию.

Приветственное пожелание Л. Е. Артамошкиной нашло отклик среди участников: выступающие проявляли неподдельный интерес к докладам друг друга и ходу дискуссии, хотя, конечно, не всегда удавалось следовать общей линии обсуждения. Можно предположить, что это связано с тематической неоднородностью выступлений, которой, впрочем, вряд ли было возможно избежать, учитывая, что проблематика городского сегодня вбирает в себя самые разные сюжеты. Тем не менее, по ряду вопросов удалось добиться общего понимания; были выделен и разделяемый большинством участников круг проблем. В частности, стала ясна, анонсированная А. Ю. Тыликом, необходимость пересмотра ряда положений реляционной эстетики, что было подкреплено имплицитным расширением предметного и проблемного полей этой теории,

осуществленным Л. Ю. Яковлевой и А. В. Николаевым. Еще одной общей проблемой стали взаимоотношения горожан и власти, рассмотренные через призму эстетической теории, они указывают на неразрешенные вопросы культурно-исторической памяти и эстетического существования, а также на то, что городское пространство всегда находится в состоянии политического напряжения, которое обостряется или ослабевает в том числе при активном посредничестве эстетики в совместной коммуникации.

Заключение

Новый для «Кагановских чтений» формат не без трудностей, но прошел свою апробацию, в процессе которой были продемонстрированы его сильные стороны. В ходе конференции ее участники убедились в необходимости отдельного разговора об институте кураторства, также было обнаружено коллективное стремление к критическому пересмотру важной в контексте общей темы Чтений теории реляционной эстетики — эти открытия следует отнести к числу конкретных достижений прошедшей конференции. Такие результаты стали возможны только благодаря совместному обсуждению. Поэтому, подводя итоги, отметим перспективность той формы, в которой воплотились состоявшиеся дискуссии. Организаторы приложили усилия для того, чтобы сделать самое главное — вызвать у участников интерес и общую вовлеченность в диалог, которые не всегда возникают при вежливом прослушивании последовательного выступления коллег. В большинстве случаев эта попытка была поддержана самими участниками, от которых требовалось не только высказаться по поводу интересующего вопроса, но проявить внимание и чуткость как к общей проблеме, так и к другим выступлениям, делать акцент на общей дискуссии больше, чем на проговаривание собственной позиции. Формат круглых столов действительно оказался крайне удачным для реализации этих непростых для любой конференции задач, где в диалог друг с другом вступают люди с уже сложившимися и далеко не всегда совпадающими мнениями по общим и частным вопросам. Залогом успеха оказывается четко поставленная пробле-

ма, краткость индивидуальных выступлений и разнообразие вопросов, помогающих развивать дискуссию, перенаправлять ее от одного аспекта к другому, уточнять свою позицию и прояснять высказывания собеседника. На наш взгляд, поскольку во многих случаях эти старания увенчались успехом, имеет смысл продолжать двигаться в том же направлении. Как справедливо заметил один из участников, в спорах не рождается истина и не находятся ответы на вопросы, но создание атмосферы, где есть желание и возможность.